

Задорин Максим

ПРИТЧИ
МУДРОГО КОТА

12+

Максим Задорин

Притчи мудрого кота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63667696

SelfPub; 2021

Аннотация

Вторая книга автора "Рефлексии нерелексивного", помещенная в форму небольших рассказов, является продолжением размышлений и поиском ответов на жизненные вопросы.

Содержание

Картошка	4
Шанс	9
Тень	15
Обиды	17
Дебаты	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Максим Задорин

Притчи мудрого кота

Картошка

– Вот вы говорите, люди стали злыми, закрытыми. Но так было всегда наравне с отзывчивостью и проявлением доброты, – прервал спор небольшой компании в купейном вагоне попутчик, до этого ехавший всю дорогу молча, глядя в окно. – Одного без другого существовать не может, иначе мир был бы однообразным. Правда, хорошее, в отличие от плохого, нужно еще суметь разглядеть. И, порой, удается это сделать только на контрасте отчаяния. Лично я это понял на собственном примере из школьной юности. Если вы не будете против, то я с удовольствием расскажу небольшую историю, подтверждающую мои слова.

Не услышав возражений, он, устроившись поудобнее, продолжил:

– В общем я тогда закончил класс девятый, наверное. В период летних каникул в сопровождении двух взрослых, небольшой группой мы отправились в двухнедельный поход. Пеший маршрут был проложен старшими, которые имели достаточный опыт в таких путешествиях. Для нас, еще в сущности подростков, это было увлекательным приключени-

ем с рюкзаками за спиной. Правда, уже на вторые сутки воодушевленность быстро улетучилась из-за усталости от многокилометровой ходьбы. Почти сразу стало понятно, что это не пикник на природе, а довольно сложный переход, в котором все необходимое, в том числе и запасы, были строго выверены и нормированы нашими руководителями. Как сейчас помню, хотелось только одного – привала, а когда он заканчивался, и мы вставали, закидывая на плечи лямки со своим скарбом, то желание тут же возникало снова. Поэтому, когда на берегу одного из озер мы провели день и две ночи, поставив небольшой временный лагерь, счастьем нашему не было предела. И ощущения были намного ярче, чем если бы мы просто приехали на это место в выходные.

– Разве усталость от неожиданных трудностей можно приравнять к отчаянию? – вдруг перебил один из сидящих в купе. – Ведь Вы, кажется, именно контрастность отчаяния упомянули?

– Это чувство пришло несколько дней позже, – улыбаясь от того, что повествование все-таки смогло вызвать неподдельный интерес, ответил рассказчик.

Промочив горло небольшим глотком минеральной воды, он возобновил свою историю:

– За три дня до конца нашего похода резко испортилась погода, и свой очередной ночлег мы провели уже под морозящим дождем. Надо сказать, что палаток мы с собой не брали, а спали в спальных мешках под открытым небом, но

предусмотрительно захватили с собой большую пленку, которой смогли укрыться, разместившись в один ряд. Тем не менее, утро для нас было довольно холодным, к тому же дождь только усиливался. Мы шли под ним в течение всего дня и промокли, в конечном счете, до нитки. К такой погоде, честно говоря, мы готовы не были. А от наспех сооруженных накидок из всех имеющихся пакетов толку было мало. Ближе к вечеру нам стало понятно, что добравшись до запланированного места привала, мы не сможем даже развести костер, поскольку вокруг уже сплошь стояли глубокие лужи, а лес был полностью пропитан влагой. Ни обогреться, ни пищу сварить, ни чая горячего испить. А вот чувство отчаяния пришло в тот момент, когда тропа, по которой мы шли, в конце концов уперлась в лесную чащу, и стало понятно, что мы сбились с намеченного маршрута и заблудились. Нам ничего не оставалось, как продолжать свой путь, рассчитывая, что поправки, внесенные руководителями в направление нашего движения, приведут нас к небольшой железнодорожной станции, до которой, судя по карте, было километров двадцать. Правда теперь мне кажется, что взрослые сами не были в этом уверены, а просто попытались избежать подростковой паники. Я так думаю, потому что, пройдя четыре с половиной часа, мы эту станцию так и не встретили. Но, к своему облегчению, мы набрали на небольшое хозяйство лесничего, которое расположилось на окраине уже враждебного нам леса. Мы так выбились из сил, что особенно и не

удивились этому маленькому чуду. Старшие группы после небольшого совещания между собой отправились договариваться с лесником о нашем ночлеге, собрав все оставшиеся консервы в качестве платы. Больше нам предложить было нечего, так как денег у нас было впритык, исключительно на обратную дорогу. Как позже выяснилось, лесник жил здесь со своей женой, ведя небольшое приусадебное хозяйство, в котором были корова, куры, кролики, лошадь, собака и кошка. Супруги нас разместили на ночь в своем доме, позволив развесить все свои насквозь промокшие вещи, и согрели нас кипятком. Они отказались от предложенных консервов, которыми мы в результате наспех поужинали. Помню, что приютившие нас люди вели себя в тот вечер как-то настороженно-недоверчиво и несколько безучастно. Может, от того, что не каждый день у них останавливается столько незнакомых гостей. Но все же засыпал я после горячего чая с большим чувством благодарности к хозяевам дома. Утром на столе стоял огромный чугунок с дымящейся вареной картошкой, приправленной плавящимися кусочками сливочного масла и обильно посыпанной пучками укропа. А помимо чугунка, на столе стояли миска свежих огурцов, множество разномастных пустых кружек и глиняная крынка, до краев наполненная парным молоком. Так вот, что я вам скажу, это был самый лучший в моей жизни завтрак. Ничего вкуснее той самой картошки мне пробовать до сих пор не доводилось, – с улыбкой закончил говорить безымянный попутчик.

Нависшую тишину в купе разрядил уставший повторять одно и то же голос проводника, проходящего за дверью:

– Поезд будет стоять на станции двадцать минут.

– Пойдем, подышим свежим воздухом, – предложил один из приятелей.

– Ну да, можно, – согласился с ним другой.

– Вставай давай. Станция. В дороге поспишь, – сказал он, обращаясь к задремавшему товарищу. Уже в коридоре вагона один из них сонно спросил:

– А о чем история-то была?

– О картошке, – донеслось до человека, оставшегося сидеть в купе.

Шанс

– Подсудимый, встаньте! – гулко разнеслось в большом сумеречном зале.

Мужчина, освещенный тусклым светом матовой лампочки над головой, в надетой на голое тело длинной хлопковой рубахе до пят, поднялся с места, озираясь по сторонам.

– Вы обвиняетесь в проявлении праздности и бездействия в течение вашей жизни. Вам есть что сказать в свое оправдание? – голос звучал сурово, откуда-то сверху, из темноты.

– Д-да, есть, – неуверенно ответил мужчина, вытирая вспотевшие ладони о белую рубаху.

– Мы слушаем, – сильный голос прозвучал холодно и громко.

– А кто мы-то? – неожиданно для себя нашелся мужчина и, выпрямившись, смело посмотрел в пустоту, откуда шел невидимый голос.

– Вершители человеческих судеб, имеющие все основания для вынесения окончательного вердикта, – голос усилился на последнем слове.

– Вот себя и обвиняйте, раз вершители, – зло отозвался мужчина. – В этом случае какие могут быть претензии лично ко мне?

– Обвинение, зачитайте свое заключение, – повелительно потребовал голос.

По правую сторону от обвиняемого появился круг света, на котором стоял пожилой человек в пенсне, держащий в руке небольшой лист бумаги. Немного откашлявшись, он монотонно-скрипуче зачитал:

– На протяжении последних трех лет жизни подсудимый неоднократно пребывал в нерешительном бездействии и ничего не предпринимал для развития своих задатков ввиду отсутствия каких-либо стремлений. Принимая во внимание всю тяжесть последствий вины подсудимого, прошу назначить ему наказание в виде последующей реинкарнации в камень.

– Подсудимый, Вам все понятно? – спросил голос.

– Вообще-то нет. Если есть обвинение, то должна быть и защита, – с недоброй ухмылкой ответил обвиняемый.

– Слово предоставляется адвокату, – огласил невидимый голос с нотками раздражения.

Слева мгновенно проявился точно такой же круг света, в котором находилась девушка в строгом деловом костюме, с собранным на голове пучком черных волос. Без каких-либо бумаг в руках она быстро проговорила:

– Учитывая незнание степени своей ответственности, прошу для подсудимого смягчения приговора и возможности выбора места, где он будет находиться в качестве камня.

– Это все?! – ехидно спросил мужчина в белой рубашке. – Ну спасибо, адвокат. Старикан хотя бы потрудился на бумажке суть изложить, а эта практикантка на ходу свою бле-

стящую защиту выстроила.

И уже обращаясь к незримому судье, упрямо сообщил:

– В качестве своей защиты я намерен выступить сам. Это возможно?

– Возможно, – с явным неудовольствием ответили из темноты.

В ту же самую секунду круг света переместился под самого обвиняемого, растворив в полумраке девушку в строгом костюме. Мужчина, оглядев свое одеяние при новом освещении, с вызовом выпалил:

– Настоящим заявляю, что всю степень ответственности я осознавал в полной мере! Более того, я ждал этого случая, чтобы иметь возможность высказаться в нужный адрес.

– Вы хотите сказать, что намеренно совершенно ничего не предпринимали в последние три года своей жизни? – уточнил пожилой обвинитель, поправляя пенсне на своем носу.

– Именно!

– Но почему? – не выдержав, удивленно спросил голос сверху.

– Потому что я отказываюсь играть по вашим правилам. Мои стремления всегда сопровождались трудностями, в то время как другим постоянно предоставлялись безграничные возможности, но они не пользовались ими достойно и в полной мере...

– Вы забываетесь! Об этом не Вам судить! – громогласно разнеслось по всему залу так, что человек в пенсне съежил-

ся, а круг света под ним уменьшился в диаметре.

Мужчина в белой рубашке, переступив с ноги на ногу, неуверенно отреагировал:

– Может быть. Но раз такое дело, то к чему весь этот ба- лаган? Судят они меня, видите ли. Камнем грозят сделать. Да плевать я хотел! Уж лучше так, чем постоянно лоб рас- шибать о закрытые двери. Куда ни сунься, связи нужны или деньги. Ты, дядя, что-то скудно свой листок исписал, – обра- щаясь к человеку в пенсне, сказал подсудимый. – Там, навер- ное, не указано, сколько раз я заявки на всевозможные кон- курсы посылал. Везде отказ или предложение сделать взнос конкурсанта. Это такая программа стимулирования у вер- шителей? А чем закончилась моя несанкционированная вы- ставка картин, там тоже не записано?!

Мужчина, сжав кулаки и поиграв немного желваками, твердо продолжил:

– Что касается попыток, то их, знаете ли, было в избытке для того, чтобы я имел право в таком духе высказаться.

– Защите больше нечего добавить, – усмехнувшись, про- должил он. – И ходатайство о снисхождении приговора от- зывает.

С этими словами круг света, в котором находился обви- нитель, погас, а подсудимый остался стоять при тусклом све- те матовой лампочки.

– Подсудимый, Вам предоставляется последнее слово, – холодно сообщил вершитель человеческих судеб.

– Горите в аду, – пробормотал себе под нос мужчина, расправляя прилипшие к телу рукава белой рубашки.

– Ввиду вскрывшихся обстоятельств дела, основанных на словах подсудимого, суд объявляет перерыв на неопределенных срок, – торжественно произнес громкий голос, сопровождая последние слова ударами невидимого молотка...

Звонкий гул стоял в забинтованной голове, заставляя через силу открыть глаза в поисках источника неприятного звука. За окном больничной палаты раздавался шум строительных работ и равномерный стук кувалды о металл.

– Вот и славно, – произнес человек в белом халате, держа в руках толстую папку. – Выкагабкались.

– В целом все хогошо, кости на ногах сгастутся и будете в скогом вгемени бегать, как гогная лань. Гуки так вообще не постгадали. Это важно, ведь вы, судя по гисункам, весьма талантливый художник, – сказал врач, театрально картавя, просматривая при этом эскизы, лежащие большой стопкой в картонной папке.

– В числе моих дгузей есть искусствоведед, боо-о-оольшого кгугозога человек. Давно жалуется на отсутствие совгеменных дагований. Так я ему, с вашего позволения, пгодемонстрирую эти габоты – докажу, что он непгав, – весело подмигнув, сказал доктор. – А вы попгавляйтесь. И пгошу вас, догогой мой, смотгите по стогонам, когда пегеходите оживленную улицу. Было бы очень печально лишиться еще одного Айвазовского.

Бледные, потрескавшиеся губы мужчины, лежащего на белой больничной койке, тронула слабая улыбка.

Тень

Бледная, едва различимая тень витала по городским улицам, размыто мелькая на стенах зданий. Ей очень хотелось пить. Который день мучившая ее жажда усиливала нарастающее беспокойство по поводу конечного исхода. Тень решительно не хотела бесследно растаять, так и не реализовав задуманное. В течение своего двухнедельного самостоятельного и независимого существования она преследовала только одну цель – стать полноправной дублирующей копией части царства света в мире теней. Но проблема заключалась в том, что она категорически не желала становиться иллюзией. Ей очень хотелось быть правдивой, а значит быть отброшенной человеком честным и откровенным. Но в этом огромном городе она который день безуспешно пыталась найти чуждого лицемерию кандидата, с каждой минутой все явственнее осознавая, что ее время существования на исходе.

Поначалу, присматриваясь к влюбленным, полагая, что именно такие люди по-настоящему откровенны и честны, тень очень быстро поняла, что они-то самые отъявленные лжецы, преследующие сугубо личные интересы. Два дня она понапрасну потеряла на шумном рынке, полном разных людей. А в административном квартале тень не смогла пробыть и часа из-за чересчур разряженного воздуха, пропитанного обманом и хитростью.

Совсем уже выбившись из сил, слабеющая тень легла на спинку старой лавочки в небольшом сквере и стала ждать порыва ветра, который развеет ее призрачную дымку. Уже почти растворившись в воздухе, она вдруг почувствовала тяжесть чьей-то спины, придавившей ее к деревянной лавочной доске. Продлившим последние минуты пребывания в этом мире был молодой человек, разговаривавший по телефону:

– Нет, не стану я этого делать... Потому что не хочу... Просто не хочу... Нет желания, понимаешь?... Ну вот так... Да, я понимаю, что это очень важно для тебя, но я не хочу этого делать... Нет, ничем не обидел... Не злюсь, потому что не на что... Помню, что ты меня выручил, но твою просьбу выполнять не хочу... Потому что не хочу. Говорю, как есть... Больше не обращаться? Хорошо... Понял, говорю, не буду... Пока.

Человек убрал телефон в карман и, блаженно вытянув ноги, сцепил запястье рук на своем затылке:

– Как же хорошо-то, – с шумным облегчением выдохнул он.

Тень обрела более четкие очертания и почувствовала, что приступ нестерпимой жажды прошел.

Обиды

Оператор сновидений с тоской посмотрел на лежащий перед собой конверт, поступивший с утра из распределительного центра. На красном штемпеле бумажного футляра ярко читалось всего лишь одно слово «ПРИМИРИТЬ», которое стало за последнее время ему ненавистным. Вводные данные, запечатанные внутри, оператор знал уже наизусть. Ничего примечательного, банальная ссора двоих, не стремящихся к пониманию. Съедаемая гордынею заносчивая парочка, из-за которой оператор в течение долгих месяцев не мог получить высшую степень квалификации. Что он только не пробовал, в какие локации снов их не помещал, предоставляя возможность объясниться, но все тщетно. Эти двое упрямецев не желали и не искали примирения.

Однажды он разместил их на отвесной стене скалистого обрыва, скрепив обоих страховочным тросом, но как только сон был поставлен на воспроизведение, эти двое принялись остервенело обрезать общую связку подручным инструментом. Оператор тут же внес коррективы в сновидение, и эгоистичных скалолазов снесло неожиданным камнепадом в пропасть. Спустя неделю после этой, казалось, удачной операции из распределительного центра снова пришел конверт с тем же самым заданием, невыполнение которого мешало достижению профессионального признания. Альтернативный

вариант, конечно, имелся. Сопроводив конверт служебной запиской, можно перенаправить его в отдел реальности. Там таких гордецов быстро ломают, причем с первого раза и без всяких разминок. Это не сны, в которых все иллюзорно и не по-настоящему. А если задание поступило из отдела сновидений, так реалисты безо всякого протокола начинают работать, стараясь поскорее избавиться от свалившейся «передачи». Но ответственному сотруднику отдела сновидений крайне не хотелось иметь даже небольшого пятнышка в своем завидном послужном списке, которым он очень дорожил. Поэтому, скрепя сердце, оператор залез на информационный сервер, чтобы в очередной раз перечитать личные дела неприятных ему участников конфликта. Просматривая ничем не примечательные данные, его мучил только один вопрос: «Почему они такие упертые?».

В повседневной жизни эти двое никак не пересекались и не имели общих друзей, но их память хранила по отношению друг к другу горькую обиду, возникшую из-за разного восприятия ситуации, в которой они оказались несколько лет назад. Никто из них не пытался объясниться, пребывая в полной уверенности, что это не нужно другому, от чего взаимная обида только крепла.

«Два упрямых барана, – думал оператор сновидений. – Из-за них я должен ощущать свое несоответствие». Ничего не узнав для себя нового, оператор, тяжело вздохнув, выбрал редко используемую локацию из каталога сновидений и за-

грузил в общую базу просмотров, предварительно отметив нужных участников.

Ветхая лодка раскачивалась в молочном густом тумане посреди бескрайнего озера. Звонящую тишину нарушал только плеск бьющихся о деревянные борта небольших волн. Две неподвижные фигуры по разным краям маленького суденышка сидели облаченные в темные балахоны и едва были видны друг другу в плотной дымке.

– Опять ты? – прохрипела басом фигура с носовой части лодки.

– Думаешь, я рада? – резко отозвалась фигура на корме.

Нависшую паузу прервал тревожный крик чайки, пролетающей где-то поблизости. Мужская фигура попыталась встать со своего места, от чего шаткая лодка предательски раскачалась, заставив сесть обратно.

– Сиди спокойно, – недовольно донеслось с кормы.

– Не могу спокойно, когда ты рядом, – с неприязнью отозвался мужской голос.

– Ну, так плыви тогда, кто держит? – презрительно бросила женская фигура.

– Уплыл бы, да берега не видно, – с сожалением прозвучало с носовой части.

– Как будто тебя это когда-то останавливало, – ехидно отозвалась женская фигура.

Последовало тяжелое молчание. Порыв внезапного ветра немного развеял плотную туманную завесу, благодаря чему

двум пассажирам стали видны весла, пристроенные к бортам широкой лодки.

– Давай грести что ли. Не сидеть же бесконечно, – предложила мужская фигура.

– Ты мужчина, ты и греби, – ответила на поступившее предложение женская.

– Уключин нет, без них одному с двумя веслами не справиться, да и короткие они, – лаконично заключил мужчина.

– Как всегда куча аргументов, чтобы доказать свою правоту, – прокомментировала женщина, неохотно дотягиваясь до весла по правую руку.

Быстро сориентировавшись, мужчина, взяв в руки свободное весло, осторожно поднялся, стараясь не раскачивать лодку, и опустил его в воду по левому борту. Лодка рывками стала набирать ход.

– Надо сообща, в выбранном направлении, а то по кругу будет таскать, – рассудил мужчина, обратив внимание на отсутствие синхронности.

– Чертов зануда, – ворчливо донеслось с кормы.

Тем не менее, лодка выровнялась и пошла плавно. Туман постепенно стал рассеиваться и вскоре по ходу движения показалась кромка берега.

– Угадали с направлением, – сказал мужчина.

– Без тебя знаю, – огрызнулась женщина.

– К твоему сведению, неприязнь взаимна, – посчитал нужным сообщить мужчина.

– Больно много чести. Плевать я на тебя хотела, – зло прошипел женский голос с кормы.

– Зачем тогда снишься постоянно?

– Я?! Да это ты достал меня уже своими появлениями! – сорвалась на крик женщина, перестав грести.

– Ну раз не нам, то это может кому-то другому нужно? – задумчиво произнес мужчина.

«Га-га-га-га», – неожиданно послышались крики взлетевших со стороны удаленного берега гусей.

– Честно говоря, мне надоела эта бессмысленная вражда, – тяжело вздохнув, сказал мужчина, не оборачиваясь. – Устал я от нее.

Не услышав ни одобрения ни порицания, он почувствовал некоторую уверенность в неожиданных для себя выводах. Проплыв еще немного в полном молчании, мужчина продолжил:

– Ты пойми правильно, мне тоже есть из-за чего быть раздосадованным. Но сколько можно-то? Пусть каждый останется при своем мнении, но так, чтобы без взаимных обид, – убежденно сказал мужчина. – Ну что, мир?

С этим вопросом мужчина вполборота повернулся корпусом назад, тут же получив размашистый удар веслом по голове, и, охнув от неожиданности, камнем повалился за борт.

Оператор поставил воспроизведение на стоп и устало откинулся на спинку рабочего кресла. В задумчивой нерешительности он побарабанил пальцами о столешницу и, приняв

для себя окончательное решение, сохранил на съёмный носитель только что воспроизведенное сновидение в виде файла под названием «обязательно к просмотру». Упаковав запись в разноцветный конверт вместе с данными своего задания, оператор достал штамп. Замерев на мгновение, он поставил ярко переливающуюся печать «В ОТДЕЛ РЕАЛЬНОСТИ» и прикрепил к конверту короткую служебную записку, педантично перечислив в ней все приложения.

– Я все-таки пытался, – пробормотал оператор сновидений, убирая «передачу» в лоток для курьерской почты.

Дебаты

Среднестатистический гражданин большой и невероятно гордой страны, сидя в маленькой квартире, недавно купленной в ипотеку, скромно ужинал после серого трудового дня и внимательно слушал трансляцию выступления одного очень важного чиновника, сопровождая ее своими репликами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.